

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a large, bright full moon in the center, with a crescent moon to its right. The sky is filled with numerous black silhouettes of bats in flight. In the foreground, a woman with long, flowing hair is shown in profile, looking towards the right. She is surrounded by five large dogs, also in silhouette, which appear to be Weimaraners. The scene is set against a backdrop of dark, swirling clouds and a body of water at the bottom.

Алекс Драбо

Легион Семи

Повести, рассказы, стихи.

18+

Алекс Драбо

**Легион Семи. (Повести,
рассказы, стихи)**

«Автор»

2025

Драбо А.

Легион Семи. (Повести, рассказы, стихи) / А. Драбо — «Автор»,
2025

Данный сборник произведений включает в себя притчу "Музыка моря", повесть-фэнтези "Легион Семи", рассказ-триллер "Бессонница мистера Маклейна", повесть-драма "Ольга и Олег", а так-же сборник ранних стихотворений автора.

© Драбо А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Музыка моря. (притча)	6
Легион семи.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Драбо
Легион Семи. (Повести, рассказы, стихи)

Музыка моря. (притча)

В последний период, Элис мучала бессонница, и она встречала рассветы на берегу моря возле своего нового дома.

Это утро так же не стало исключением. Едва величественное солнце начало появляться за необъятным, голубым, морским горизонтом, Элис уже заняла место в уютном ярком шезлонге, любуясь отражением солнечных лучей в голубой морской стихии, слушая радостные крики чаек и по традиции беседуя с волнами, не переставая удивляться, какую удивительно красивую симфонию доносят до неё уникальные волны с их неповторимым музыкальным слухом.

По утрам купленный недавно дом уже не казался таким жутким, пустынным и одиноким, каким выглядел ночами. Ощущение тоски и одиночества, хоть и не покинули своего хранилища в сердце и душе, но запрятались чуть поглубже, отодвинутые солнечными лучами и морской музыкой подальше, до наступления сумерек.

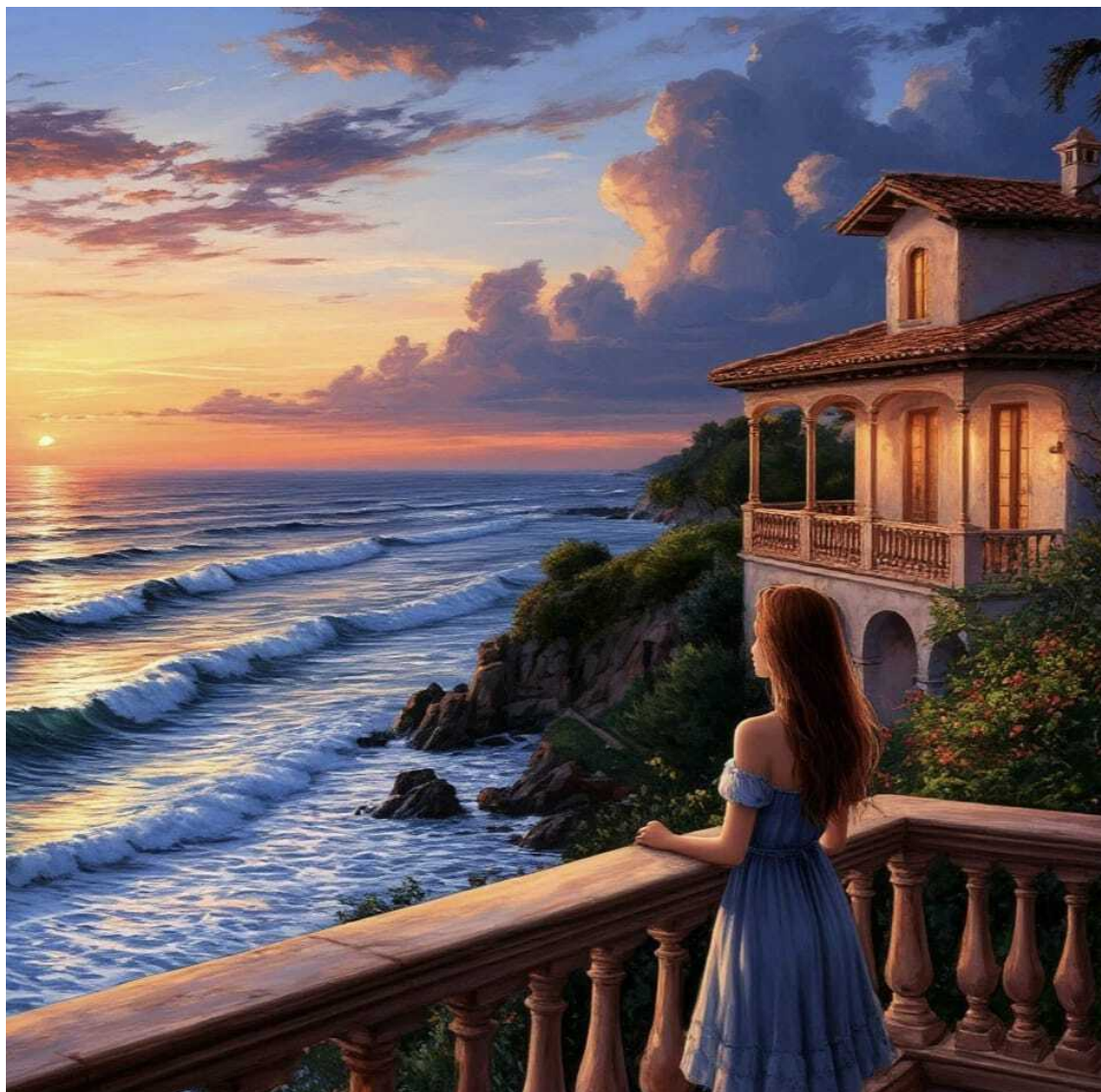
Элис скинула босоножки и окунула ноги в морскую прибрежную пучину. Тёплая приятная вода окутала ступни девушки, стала ласково их гладить и массировать. Элис немного расслабилась и даже задремала, отдавшись этой влажной ласке и музыкальному шёпоту. Между тем волны не спешили утихать, и продолжали с ней диалог, словно не боялись нарушить её сладкую дремоту.

– Понимаешь, что он обычный убийца? – музыкально шептали волны.

– Нет, – мысленно отвечала им Элис сквозь сон – Он просто контрактник. Он миротворец. Джон хочет восстановления мира в той далёкой стране. А деньги, они же не лишние. Иначе мы никогда не расплатимся за этот дом.

Казалось, волны удовлетворились её ответом и на минуту затихли, проявив милосердие.

Элис ещё глубже погрузилась в сон, вспоминая своего Джона. Как же она его любила и ждала!

Жизнь с ним была похожа на сказку. Не прошло и года с момента их первого знакомства, но ей, молодой двадцатилетней девушке, сироте, воспитанной в приюте, этот успешный тридцатилетний мужчина казался каким-то сказочным принцем.

Весь их роман был похожим на сказку и развивался по какому-то сказочному сценарию.

Молодой бизнесмен Джон зашёл в кафе на ланч, и влюбился в обслуживающую его официантку Элис. Очень быстро их знакомство переросло в роман. Джон забрал Элис к себе в квартиру из крохотной комнатки, которую предоставляло ей кафе. Спустя полгода они поженились. А ещё через месяц смогли осуществить свою взаимную мечту – оплатить первый взнос и купить уютный дом на берегу моря! Джон уговорил Элис уйти с работы, заниматься домашним хозяйством и садом, расположенным на территории дома. Хотя девушке и было скучновато днём одной обитать в пустом доме, но нежные вечера, проведённые с любимым мужем, вполне компенсировали дневное одиночество. К тому же Элис обладала интровертным характером и любила побыть в одиночестве, подальше от людей.

Идиллия закончилась месяц назад, когда у Джона дела по бизнесу неожиданно дали осечку и денег стало катастрофически не хватать. К тому же львиную долю бюджета съедали выплаты за дом – их семейное и счастливое гнездышко мечты. Вот тогда-то и пришла ему в голову мысль подписать годовой контракт с солидными выплатами. Джон временно предоста-

вил бизнес своему деловому партнеру и отправился с отрядом миротворцев в далекую, неспокойную страну.

Элис не поддерживала это решение, но католический приют с детства привил ей воспитание и догмы, не разрешающие спорить с мужем и смиренно принимать любое его решение. И вот уже второй месяц подряд Элис каждое утро встречала в шезлонге у моря, мечтая о возвращении своего любимого мужа, вспоминая их короткую, но очень счастливую, совместную жизнь, и тщетно пытаясь справиться с чувством одиночества и тоски. Девушка даже дала объявление в газету о сдаче внаём одной из комнат дома. Не потому, что нуждалась в деньгах, а просто от отчаяния одиночества. Пусть в доме проживёт какая-нибудь компаньонка. Будет не так страшно и не так тоскливо дожидаться возвращения любимого Джона. Днём Элис не боялась этого дома, но бессонными ночами дом казался ей угрюмым, мрачным и неприветливым. Деревья в саду, казалось, угрожающе шумели от ветра, часы на стене тикали неестественно громко и море пело ночами совсем не ласковые песни, а крик чайки или вой ветра заставлял дев

ушку вздрагивать и заворачиваться с головой в одеяло в ожидании рассвета.

Сон всё глубже накрывал Элис, и волны всё отчётливее разговаривали с ней, музыкально напевая свою монотонную мелодию. Вода продолжала тёплым напором массировать её ноги, а ласковые порывы ветра гладить и трепать её длинные, русые волосы.

– Добрый день, юная мисс, – услышала Элис сквозь дремоту приятный мужской голос.

– Миссис, – машинально поправила она, силясь открыть тяжёлые ото сна веки.

– Ох, извините, миссис! – снова услышала она голос рядом с собой.

Элис сделала над собой усилие, разлепила глаза, покрасневшие от длительной бессонницы и слёз.

Когда зрение сфокусировалось, оно предъявило ей долговязого, худого мужчину лет тридцати пяти.

Длинные, вьющиеся, каштановые волосы мужчины прикрывала соломенная шляпа, тёмные очки закрывали глаза, худое лицо с правильными чертами обросло лёгкой щетиной. Мужчина был одет в красную футболку, светлые шорты и кроссовки. На шее висела массивная серебряная цепочка с кулоном в виде многоногого паука. За спиной был небольшой чёрный рюкзачок, а в руках мольберт, завернутый в холщевую коричневую тряпку.

– Я прочитал в газете, что вы сдаёте комнату на короткий срок, – проговорил мужчина приятным баритоном – С вашего позволения я хотел бы снять её до завтра.

– Но я давала объявление о сдаче комнаты женщине, – сказала Элис, силясь согнать с себя усталость сна и наощупь нашаривая босыми ступнями туфли.

Мужчина подождал, пока она обулась, галантно протянул ей руку, помогая подняться.

– Меня зовут Ален, – представился незнакомец.

– Элис, – машинально ответила девушка, просовывая ноги в обувь и поправляя левой рукой короткое платье.

Вторую руку Элис незнакомец продолжал галантно держать в своей руке. Затем поднёс её запястье к своим губам и запечатлел на нём вежливый поцелуй.

Элис словно пронзило током. Она вся затрепетала от этого невинного прикосновения, земля уплыла из-под ног. Музыка волн вдруг переросла в какой-то звенящий гул, а ветер, словно приняв человеческий облик, принял её в объятия, лаская девичью кожу.

Мужчина внимательно смотрел на неё, его глаза сверкали сквозь стёкла солнцезащитных очков.

– Вам нехорошо, Элис? – галантно осведомился он.

– Нет, всё в порядке... Просто бессонница, мистер...

– Ален. Просто Ален.

– Видите-ли, Ален, я замужем и у меня не было намерения сдавать комнату мужчине.

Ален, не выпуская руки Элис, свободной рукой приподнял очки, открыв её взору удивительно чистые и наивные зелено голубые глаза. В них светилось только искреннее расположение и участие. Глаза цвета морской волны.

– Не сочтите наглостью с моей стороны просить вас о небольшом одолжении, – вежливо сказал Алён, буквально гипнотизируя взглядом Элис – Я не маньяк, не убийца, не извращенец и не вор. Я художник. Послезавтра выставка моих работ, а я не успеваю закончить главный выставочный экспонат. Вдохновение не приходит, а без него в нашей профессии никуда. И вот, увидев объявление " Дом на берегу моря", я подумал посетить этот райский уголок мечты! И, знаете, Элис, глядя на эти красоты, моё упрямое вдохновение вернулось ко мне! Я заплачу любую сумму, если вы позволите мне на сутки остаться в одной из ваших комнат и закончить работу. Мне осталось всего несколько мазков для завершения картины. А завтра утром я вас покину, с вашего позволения.

Элис колебалась. Впустить в супружеский дом незнакомого мужчину казалось ей дикостью и абсурдом. Даже такого галантного и интеллигентного, каким казался Ален.

Тот, словно уловив её мысли, умоляюще сложил руки, виновато улыбнулся и скроил просящее выражение лица:

– Элис, молю вас, не гоните бедного художника! Всего один день – и я навсегда покину ваши края. Если вы откажете в приюте, мне придётся обосноваться здесь, на берегу, под открытым небом, рискуя быть заживо съеденным насекомыми или чайками, чтобы не упустить вдохновение этих мест и закончить свою картину.

Элис невольно улыбнулась, глядя на забавное выражение лица Алена.

– Тогда, умоляю, назовите сумму вашего неудобства пребывать со мной под одной крышей! – горячо произнёс Ален, расценивая её улыбку как согласие.

–

Не нужно денег, Ален, – покачала головой Элис – Я приючу вас бесплатно, исключительно ради любви к искусству.

Дом был достаточно скромный. Две жилых комнаты, гостиная, кухня и чердак. К крыльцу вела бетонная дорожка, вдоль которой справа и слева росли посаженные девушкой, ухоженные розы – любимые цветы Элис. Позади дома кустился небольшой яблоневый сад. И, конечно, главное украшение дома – стеклянная терраса с видом на море.

– Вот ваша комната, Ален. Располагайтесь! – сказала Элис, раскрыв дверь в одну из уютных комнат – Постельное бельё свежее, вентилятор, телефон и телевизор работают. А я пойду приготовлю что-нибудь на обед.

– Благодарю вас, Элис. Но я, с вашего позволения, дерзну попросить у вас разрешения провести день на террасе. Мне бы хотелось работать, любуясь видами моря. Если вы, конечно, не возражаете.

– Конечно не возражаю, Ален, – улыбнулась Элис и отправилась хлопотать на кухню.

Через час, на сковородке уже дымилось аппетитное жаркое и подогретые тосты. Элис постучала в дверь, ведущую на террасу.

– Ален, к столу! – позвала и открыв дверь, вошла внутрь.

Ален стоял посреди террасы возле мольберта. В руках его была кисть и палитра. Одет он был в одни шорты, голый художавый торс поблескивал от пота. На смену солнцезащитных очков на носу красовались обычные очки в золотой оправе, каштановые, слегка рыжеватые кудри всколочены.

Ален задумчиво разглядывал холст на мольберте, покусывая кончик кисти. Из распахнутых окон дул свежий морской ветерок, кричали чайки и волны пели свои бесконечные песни.

Элис пригляделась к картине. На холсте был нарисован мужской бюст. Изображение было достаточно реалистичным, мужчина с картины выглядел словно живой. Моложавое лицо человека лет тридцати, с кудрявыми волосами, тонкими губами, немного длинноватым носом и

какими-то демоническими глазами. На заднем плане нарисованного мужчины полыхал огонь пожара. Вид этого неприятного человека с дьявольскими, сумасшедшими глазами, языки пламени позади него – всё это внушало тяжёлое и удручающее впечатление.

– Кто это? – шёпотом спросила Элис.

– Гай Кесарь Калигула, – ответил Ален – Я пишу исторические портреты древних императоров.

– Как живой! – невольно вырвалось у девушки.

– Правда? Поверьте, Элис, мне, как художнику, очень приятно это слышать. Для меня это лучший комплимент, тем более из уст такой красавицы!

Элис зарделась от смущения.

– Пойдемте обедать! – пригласила она.

Ален отрицательно покачал головой.

– Я боюсь упустить вдохновение, которое меня поглотило на этой террасе. Но перекусить не откажусь! Элис, дорогая, если вас не очень обременит моя просьба, принесите мне еду прямо сюда. Я поем здесь, под шум прибоя, не отрываясь от работы.

Элис кивнула и вышла на кухню. Собрав еду в тарелку и прикрыв крышкой, прихватив столовые приборы, она снова вошла на террасу к Алену, поставив еду на столик.

– Спасибо, Элис, – поблагодарил он, не отрывая взгляд от портрета и продолжая водить кистью по изображенному пламени.

На голом плече его налипла клякса рыжей краски. Элис осторожно подошла поближе, достала из кармана домашнего халата чистый носовой платок.

– Вы испачкались, Ален, – робко сказала Элис, и бережно вытерла ему плечо, стараясь не смотреть на портрет Калигулы, производящий на неё жуткое впечатление.

Подойдя к нему вплотную, Элис почувствовала дурманящий запах вспотевшего мужского тела, от которого у неё закружилась голова. Пытаясь унять сумасшедший стук сердца, девушка протянула руку к плечу этого высокого мужчины. Сердце стучало с такой силой, что Элис всерьёз испугалась, что этот звук услышит Ален. Она робко провела платком по испачканному мужскому плечу... и едва не рухнула без чувств. Ей показалось, что на миг она потеряла сознание.

Девушка отпрянула в сторону, пытаясь сохранить остатки разума. В глазах плыли круги, мир вокруг поблек, и всё, что она могла видеть в эту секунду, это нарисованный, насмешливо – сумасшедший, горящий взор Калигулы, пронзающий её взглядом из портретной рамки.

– С вашего позволения, я бы закончил работу, – механически вежливым голосом произнёс Ален – А после уже принял бы душ.

Элис вздрогнула, словно очнувшись ото сна, поспешно вышла с террасы, плотно закрыв за собой дверь. Вдруг настенные часы в гостиной громко пробили три раза. Это было так неожиданно и громко, что Элис испуганно вскрикнула. На ватных ногах, она прокралась в свою комнату и рухнула на большую, удобную кровать.

Уже три часа дня! Только что было утро! Когда же успело пройти столько времени!

– Боже, что со мной происходит? – пробормотала Элис, кутаясь в лёгкое одеяло.

Её всю трясло от какого-то непонятного, но приятного перевозбуждения. С момента первой встречи с Джоном, Элис никогда не помышляла о другом мужчине. И вдруг – Ален. Странный, долговязый художник, со странной речью и странной, пугающей картиной. Он ей совсем не нравился как мужчина, но рядом с ним она полностью теряла самообладание. Несколько сегодняшних невинных прикосновений чуть не довели её до обморока. Что это такое? Её тянуло к нему, как кролика к удаву, или как мотылька тянет на пламя, игнорируя инстинкты самосохранения.

Элис накрыл долгожданный сон – всё-таки бессонница отыграла свои очки. Но он совсем не принёс ей облегчения. Во сне Элис металась, ворочалась, продолжая слушать музыку моря и вести привычный диалог с шепчущими волнами:

– Кто он? – спрашивала у них девушка.

– Незнакомец, – отвечало море – Чужак.

– Я хочу к Джону! Отпустите его ко мне! – кричала Элис волнам.

– Хах, – музыкально усмехалась водная стихия – Ты хочешь в объятья убийцы.

– Он не убийца! Он миротворец! Он спасает людей в чужой стране! – кричала Элис, тщетно пытаясь заглушить эту, сводящую с ума, музыку моря.

– Он наёмный убийца по контракту. Раскрой глаза, Элис-с-с. – шипели волны.

Из морской пучины вдруг показались безумные, горящие глаза Калигулы. Элис закричала и проснулась.

Часы в гостиной холодно отбивали одиннадцатый удар.

Девушка, сев на кровати, обхватила руками голову, сунув пальцы в пышные, русые пряди.

– Я схожу с ума, – пробормотала она.

Достав из ящика стола пачку сигарет, она закурила, пуская дым в раскрытое окно.

– Плевать, что я обещала Джону не курить, – сказала она морю – Джон далеко. А мне плохо, страшно и одиноко!

Докурив, Элис попыталась собраться с мыслями. Одиннадцать часов. Надо накормить постояльца. Хоть у самой совсем нет аппетита.

Девушка с трудом вспомнила, что она ничего не ела уже добрых пару суток. Голова кружилась от выкуренной натошак сигареты, но она мужественно встала и вышла из комнаты.

Сквозь окна было видно, что на улице бушевал ветер. Надвигалась гроза, а с ней и шторм. Деревья в саду низко кланялись тёмному небу, розы в саду раскачивались в такт порывам ветра, а волны моря, вместо баюкающей тихой мелодии стали наигрывать победный марш.

Из закрытой душевой слышался шум воды. Наверно Ален закончил работу и принимал душ.

Элис потихоньку прошмыгнула в свою комнату, и снова завернулась в одеяло. Её немного знобило. Наверно от перемены погоды.

Вскоре раздался аккуратный стук в её закрытую дверь. Элис выскользнула из-под одеяла, запахнула халат и вышла в коридор.

– Ален, что ж вы меня не предупредили, что идёте в душ? Я бы вам чистое полотенце дала. Проголодались? Сейчас ужин разогрею.

Ален был уже одет в чистую бежевую футболку и джинсы. Сквозь очки поблёскивали зеленоватые глаза.

– Спасибо, Элис, но я привык всё необходимое носить с собой.

Он засунул руку в задний карман джинсов и достал оттуда несколько сотенных купюр.

– Это вам, за гостеприимство и беспокойство, Элис! И не вздумайте отказываться! Я буду очень признателен, если вы примете это, как благодарность.

– Здесь очень много, Ален! – озадаченно произнесла Элис.

– Я же от всей души! Вы меня очень выручили. Благодаря вашему гостеприимству я закончил свою работу и полностью подготовился к выставке. Мне пора.

– Куда ж вы уходите на ночь глядя! В бурю! Не поужинав!

– Я не голоден, Элис. Благодарю вас за всё. Больше не смею злоупотреблять вашим гостеприимством и с глубоким чувством благодарности хочу откланяться.

Высокий Ален наклонился и дотронулся губами до щеки Элис. Серебряный паук на цепочке, мотнулся на его тощей шее и коснулся её груди.

И Элис пропала...

– Не уходи! – услышала она свой собственный голос, обвив руками его шею и ища губами его губы.

... И тут она провалилась в другую реальность, в другой многогранный, параллельный мир. Стены, потолок, окна, двери... Всё ушло в небытие. Были только Он, Она и Счастье. Элис то взмывала вверх к звёздам, то стремительно падала вниз, к центру Земли, то наслаждалась полётом, то ловила сумасшедший восторг от захватывающего дух ощущения свободного падения. Взмывая вверх, она играючи касалась руками молний, приходя в восторг от их яркой и опасной красоты; падая вниз, проникала в самые глубины земной коры, касаясь волосами Ядра Земли. Наконец, утомившись полётом, ветер бросил её в тёплые волны солёного моря, которое ласково поглаживало её обнажённое тело, превращая её плоть и душу в бесконечную сказку. Элис смеялась от восторга и плакала от счастья, полностью отдавшись стихиям, соединившимся в единую силу, чтобы подарить ей любовь, нежность и вечность...

... Когда Элис проснулась, часы в гостиной громко отбили десять ударов. Десять утра! Сон или не сон?

Не открывая глаз, Элис осторожно коснулась своего тела и поняла, что полностью обнажена. В проснувшийся мозг резко ударил запах мужского тела. Не сон!

Девушка приоткрыла глаза и увидела Алена. Тот сидел полностью одетый на краю её смятой кровати и курил длинную сигару. Услышав шорох простыни, Ален повернул голову и приподнял чёрные очки, коснувшись ими жёлтой соломенной шляпы:

– Доброе утро, Элис.

– Кто ты, Ален? – шепотом спросила Элис, съездившись под одеялом.

– Я Ален. Художник.

– Нет! – закричала вдруг Элис, неожиданно для самой себя – Ты не художник! Ты не Ален! Ты не человек! Кто ты!?

Ален грустно улыбнулся и с тоской посмотрел на неё своими сине зелёными, морскими глазами.

– Мне пора, Элис. Я ухожу. К сожалению, я всё время странствую, и мы больше никогда не увидимся.

Элис стыдливо завернула в одеяло свою девичью наготу. Её снова начало знобить.

– Кто ты? – снова спросила она – Что это было?

Он не отвечал. Лишь грустно смотрел ей в глаза.

– Останься! – умоляюще зарыдала Элис – Останься, кто бы ты не был! Или заberi меня с собой! Я же не смогу дальше жить без тебя после того, что я пережила этой ночью!

– Я одиночка, Элис, – тихо и мягко сказал Ален – Я пришёл к тебе на одни сутки и ухожу туда, куда ты вряд ли хотела бы попасть. Буря утихла, на море штиль. Пойду, заберу картину.

– Не уходи!!! – истерично прокричала Элис – Кто ты??? Останься!!! Заberi меня отсюда!!!

Но Ален уходил не оборачиваясь. Элис упала на подушку и зашлась в рыданиях. Ей было ужасно стыдно перед Джоном, своим единственным мужчиной в её жизни. Было стыдно, что она изменила мужу, который сейчас рискует жизнью ради их благополучия. Было стыдно, что она его разлюбила всего за одни сутки. Было стыдно, что она не хотела дальше жить без Алена.

Рыдания оборвал телефонный звонок. Утирая слёзы, Элис подняла массивную телефонную трубку большого декоративного телефона мраморного цвета с позолоченным тиснением.

– Слушаю... – прохрипела она, пытаясь подавить истерику.

– Здравствуйте, – услышала она грубый мужской голос, доносящийся издалека, откуда-то с другого конца мира – С вами говорит военный комиссар. У меня для вас трагическая новость... Мужайтесь...

Дальнейшие слова до Элис дошли уже на инстинктивном, подсознательном уровне. Она перестала слышать этот голос. Лишь шум в ушах и музыка моря в голове.

Джона больше нет... Он погиб в ночь, когда она отдалась Алену. Она предала его дважды – живого и мёртвого.

Слёз больше не было. На Элис нашёл ступор. Двигаясь, словно во сне, она скинула с себя одеяло, полностью обнажив своё молодое, девичье тело, прошла по коридору их уютного дома и вышла в сад. Розы и деревья кланялись ей, словно королеве, но Элис их не замечала. Обнажённой она шла к морю. Камни резали ей ступни, но девушка больше не чувствовала боли. Музыка моря манила её к себе.

Поравнявшись с шезлонгом, на котором Элис провела бесконечное количество одиноких дней, девушка одарила его равнодушным взглядом. Она вошла в воду и медленно пошла вперед, навстречу горизонту, навстречу той линии, где сходятся воедино голубое небо, синяя вода и вечность.

– Иди к нам! – радостно шевелились волны, нежно лаская её тело.

– Иду, – ответила им Элис, продвигаясь вдаль, навстречу бесконечности – А вы сможете меня успокоить?

– Даже не сомневайся, Элис-с-с, – отвечали волны своей красивой, монотонной музыкой

– Впереди только нежность, тепло и покой... И наша музыка...

На террасе человек, назвавший себя художником Аленом, грустно смотрел, как волны навсегда сомкнулись над русой девичьей головой.

– Я больше не могу, – сказал человек, обращаясь к портрету – Устал. За что мне это? Отпустите меня!

– Нет, – ответил портрет Калигулы, сверкнув сумасшедшими глазами – Ты же знаешь, что ещё не отработал до конца.

Мужчина вздохнул, достал из рюкзака ветхую тряпку и начал бережно протирать портрет.

– Мне жалко их всех, – сказал он портрету – Эта девушка была так чиста и невинна.

– Вот именно! – согласилась картина – Невинная душа, изменившая мужу. Прелюбодеяние и самоубийство. Такая душа, испорченная за одни сутки – это-же подарок нам!

– Почему Они Там такие ненасытные? Зачем им столько чистых душ? Кто я? Что я за существо? Почему я это делаю? Что я отрабатываю? Почему мне подчиняются женщины? Когда меня отпустят на свободу?

– Сколько вопросов, – саркастично произнёс портрет – Смотри на это проще. Мы выполняем Высшую Миссию. Зачем ломать голову – "во имя чего и с какой целью"? Так устроено всё вокруг. И мы часть того, что нас окружает. Так что вперёд, к Высшему Замыслу! Не стоит лишний раз беречь раны мыслями и размышлениями. Разум опасен, мысль губительна. Когда достигнешь нового уровня – ты поймёшь цель, постигнешь замысел и узнаешь – кто ты есть и для чего. А пока просто двигайся к новому уровню, не останавливайся, не сомневайся и не раздумывай. Тот, кто по ту сторону, гораздо мудрее всех нас.

Мужчина снова грустно вздохнул, обернул портрет большой, холщевой, коричневой тряпкой, надел рюкзак, взял подмышку мольберт и зашагал прочь из уютного дома к очередной, намеченной жертве с чистой душой.

Легион семи.

(Повесть – фэнтези, вдохновлённая произведением Константина Сергиенко «До свидания, овраг».)

"Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много."

Мк. 5:8-9

1. ЧЁРНЫЙ.

В этом октябре заморозки пришли очень рано. Тёплую погоду буквально за сутки смели ночные морозы, что заставило пса по кличке Чёрный, главаря Легиона Семи, собрать экстренное совещание. В утренний рассветный час в Овраге, расположенном на окраине города, собрались все члены Легиона – семь дворовых собак: сам вожак Чёрный – жёсткий большой чёрный пёс; его правая рука – собака по кличке Бес – дворовая собака-воин, в крови которой были намешаны бойцовые породы; Гордый – пёс, недавно потерявшийся на улице и не нашедший обратно своих хозяев, породистый и ухоженный, попавший в Легион буквально пару недель назад; старый Хромой – добродушная, наивная и доверчивая псина почтенного возраста; Мелкий – годовалый щенок, выброшенный Двулапыми на улицу за ненадобностью и подобранный Учёным; Жужа – единственная сука в Легионе – пожилая, потасканная болонка, брошенная хозяевами ещё в молодом возрасте; Учёный – немолодой пёс, прибившийся к Легиону после смерти хозяина, хорошо обученный и воспитанный, умеющий носить тапки, знающий язык Двулапых и даже читающий текст по слогам.

– Слушай меня, Легион! – как обычно пафосно начал свою речь Чёрный, упиваясь внимавшими ему шестью парами сосредоточенных глаз, – Вопреки нашим ожиданиям, Период Голодуй наступил на пару недель раньше. Период Колотун уже не за горами. Поэтому, пока он не наступил, предлагаю максимально заполнить Обшак. Жужа! – кивнул он головой в сторону старой кокетки, – Ты остаёшься стеречь Обшак и, как всегда, вести учёт запасов. Давайте обсудим наш план действий на ближайшее время.

– Чёрный, может в этот раз оставим с Жужей реального бойца на случай нападения соседних легионов? – предложил Учёный.

– А в качестве охраны предлагаешь себя? – насмешливо спросил вожак. – Конечно, чем носиться по помойкам и кланяться у Двулапых, проще греть старые Жужины косточки.

Жужа бросила кокетливый, похотливый взгляд на тощую фигуру Учёного и плотоядно облизнулась.

– Даже не думай, Жужа, – тут же осёк её Чёрный, молниеносно уловив и прочитав её взгляд, – Хотя ты и почтенная сучка Легиона, но даже не надейся на случку с кем-то из его участников!

– Ну почему? – жалобно проскулила Жужа, пытаясь выигрышно взъерошить старую шерсть, бывшую когда-то белой и пушистой, но с годами ставшую облезлой, неприятного, серого от грязи, цвета. – Мелкому вот давно уже пора стать взрослым и попробовать разок спариться. Да и вы все, разве не хотите утолить похоть? Я уже не понесу, старая, приплода не будет.

Мелкий сверкнул боевыми глазками, оглядел Жужу и одобритительно тявкнул.

– Мелкий, закрой пасть! – рыкнул Чёрный, – Найдёшь свободную суку для первой случки. Жужа нам сестра, она одна из старейшин Легиона, а спариваться друг с другом в Легионе не по правилам. И ты, Жужа, – мягко сказал он, видя её разочарованный взгляд, – Пере-

стань подкатывать к членам Легиона. Вокруг полно свободных псов – одиночек. Общак в этот раз мы запрятали очень надёжно. Вряд ли случайный пёс сможет его разнюхать. А от крыс и кошек Жужа сама в состоянии его сохранить. Зубы ещё не все выпали. На нас не нападут соседние Легионы – они меньше нас численностью и мощью. Так что с этой стороны мы тоже защищены и подготовлены к Голодую и Колотуну. У нас один Бес по бойцовскому качеству превосходит десяток обычных псов. И к тому же в наши ряды недавно произошло пополнение, значительно их усилив! К нам присоединился сам Гордый! Благородный интеллигент, заблудившийся и потерявший своих любимых, Двулапых хозяев!

Последние слова Чёрный произнёс с сарказмом, иронично поглядев в сторону Гордого. Тот в ответ огрызнулся, но промолчал. В Легионе он ещё был чужак, не успел отличиться, принести какую-то общественную пользу. Чёрный не любил новичков, относился к ним настороженно и всячески гнобил до тех пор, пока не предоставлялся случай убедиться, что пёс предан ему и принёс пользу Легиону.

К тому же к Гордому у него было заранее предвзятое мнение – тот прибил к Легиону сразу после того, как потерялся, проживая до этого в уютной, тёплой, и сытной Житницы, Гордого не обижали Двулапые хозяева, Гордый не скитался по улице в поисках пропитания, а был сразу приведён на представление этим глупым добряком Хромым. К тому же Гордый имел наглость за частую спорить с Чёрным, давать ему советы, порой очень неглупые, чем ещё больше бесил жоака, подрывая его авторитет. Чёрный предпочитал раболепство и лебезение перед своей персонею.

– Теперь главная новость, Легион! – пафосно протягивал Чёрный – Сегодня ночью я встречался с соседним Легионом. Мы традиционно повыли на Луну, обглодали Кость Мира и побеседовали. Вы все знаете Старейшего – древнего пса Легиона Шести. И он мне поведал, что чувствует облаву. Двухногие снова начали на нас Охоту. Чутьё никогда не подводило Старейшего и нам нужно особенно сохранять бдительность!

Наступила мёртвая тишина, в которой только отчётливо слышалась старческое, сиплое дыхание Хромого. Всем было страшно. Двухногие – опаснейшие враги Легионов, не сравнимые даже с Колотуном или Голодуем.

– А за что они на нас осерчали? – робко и испуганно тявкнул Мелкий.

– Пёс их знает, – ответил Чёрный. – Они просто злые, слабые и трусливые. Такие всегда ищут и придумывают себе врагов. Двулапые уже устраивали массовые облавы года три назад. Много собак тогда стали жертвами их трусливой злобы. Кто был в тот период в Легионе не даст соврать. (Жужа и Хромой одобрительно затыкали). А рассказываю я вам это не для того, чтобы напугать, а чтобы предостеречь! Никаких контактов с Двухногими. Это злые, подлые и коварные существа! Особенно предупреждение касается Хромого. Вечно он пытается с ними задружиться, наивный старый олух.

Чёрный бросил гневный взгляд на Хромого. Тот потупил глаза и стыдливо опустил морду вниз.

– Итак, Легион, айда в поход! Жужа – стереги Общак, бойцы – пытайтесь сегодня максимально его пополнить, чтобы у нас была возможность затаиться хоть на какой-то срок. А я попробую раздобыть ещё информации об Охотниках и Облавах. Удачи нам!

Авторитет Чёрного был огромен, и псы разбрелись в разные стороны, в поисках добычи. Даже Гордый не осмелился спорить, напуганный неведомой ему Облавой, про которую Чёрный знал больше кого-либо в Легионе.

Чёрный вожак долго и задумчиво смотрел вслед разбредающемуся в разные стороны Легиону. Да, псами надо уметь управлять, и управлять жёстко, подавляя малейшее сопротивление, неуважение. Стоило дать слабину – и тебя сожрут свои же. Чёрный не был самым сильным псом Легиона – Бес был намного сильнее и моложе вожака – но он, без сомнения, был самым авторитетным.

– Откуда у тебя такая ненависть к Двулапым? – услышал он робкое тьяканье.

Повернув голову, Чёрный увидел стоявшую рядом Жужу.

– Почему ты ещё здесь? – рявкнул он. – Ты же должна быть возле Общака!

– Иду! – покорно протянула Жужа и уныло поплелась сторожить.

Откуда? Какой хороший вопрос. У каждого из них должна быть в сердце эта ненависть. Иначе им просто не выжить. Они не понимают, особенно Хромой, что Двулапые – самые злейшие враги, гораздо опаснее крыс и котов. Двулапые убивают ради удовольствия, а не ради пропитания. Двулапые издеваются над животными и друг над другом только ради забавы. Их смешат чужие беды и боль. От природы они очень слабые и беззащитные, поэтому умные, жестокие и изобретательные. В природе нет более жестокого и безжалостного животного, чем Двулапые.

В чём провинился перед ними сам Чёрный, когда его, полуторогодовалого пса, хозяева выкинули на свалку, избитого и полуживого? А что плохого совершил его потерянный когда-то во время Облавы прошлый, погибший Легион?

Да, когда-то он жил в Житнице у хозяев, носил звучное имя Герцог, но... был не совсем здоров. Герцог – Чёрный с рождения страдал от неизлечимой болезни и не мог контролировать мочеиспускание. Но разве можно за это жестоко избивать каждый раз, когда он мочился на пол?

Особенной жестокостью отличались мелкие Двулапые. Если хозяин позволял себе только пинок или хлопок газетой по морде, то мелкие, в отсутствии хозяина, избивали Чёрного палками до полусмерти, едва увидев на полу лужу его мочи. Чёрный жил в постоянном страхе. Пытался изо всех сил сдержаться, но упрямый мочевой пузырь то и дело подводил бедного пса и он, в очередной раз напрудив на пол, с жалобным визгом забивался под кровать, откуда его, воющего, за хвост вытаскивали жестокие мелкие Двулапые и начинали избивать палкой, тыча мордой в собственную лужу мочи.

Постепенно страх сменился ненавистью и однажды, помутнев разумом от побоев, он набросился на мелкого Двулапого и сильно искусал его. Хозяева били Чёрного до тех пор, пока он не потерял сознание, и, завернув окровавленного пса в тряпку, выкинули на свалку подышать.

Пёс выжил, но из его сердца навсегда исчезли понятия Доброта, Любовь и Жалость. Напрочь забыв, что в прошлой жизни он был Герцогом, Чёрный стал самым свирепым Вожаком среди Легионов.

2. ЖУЖА.

Старая болонка сидела у края оврага, неподалёку от того заветного места в пещере за камнем, где лежали собранные за неделю, спрятанные от посторонних глаз вкусности Общака. Иногда ветер доносил до её носа восхитительные запахи мясистых костей, кусочков колбасы, сыра и даже баранины, собранные Легионом за последние несколько дней. Жужа облизывалась, но у неё даже в мыслях не было притронуться к этим сокровищам. Ведь это общая добыча Легиона, пересчитанная и учтённая бдительным Чёрным Вожаком.

Неподалёку от её поста располагалось спальное место Легиона – небольшая полянка между деревьев, обросшая опадавшими осенними кустами. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, Жужа смотрела на эту поляну, вспоминая их роман с Хромым, который остался тайной для всех членов Легиона. Особенно она боялась, что когда-нибудь об их бывших отношениях проведает Чёрный, который был ярким консерватором и всячески оберегал правила и традиции Легиона, в том числе и касаемых инцестов среди его участников. Хромой уже год перестал функционировать в качестве кобеля, а Жуже, как любой дееспособной сучке, время от времени требовалось, чтобы её хорошенько покрыли.

Жужа задремала, и мысли болонки невольно уплыли в прошлое, пытаясь воссоздать почти забытые образы...

Вот она, совсем молодая, шикарная, ослепительно белая, роскошная сучка позирует для съёмки, сидя на шёлковой красной подушке с бантом на голове. Жужа жила с Двулапыми хозяевами в роскошной Житнице, была избалована, обеспечена всем необходимым и обласкана Хозяевами. Она не понимала язык Двулапых, но, инстинктивно, отлично распознавала интонации слов. Двулапые делали её фотографии, а потом куда-то отправляли её образы в разных ракурсах и получали за это какие-то Прожитки, которые позволяли им всем хорошо питаться и жить, ни в чём себе не отказывая. Жужа питалась дорогим и вкусным кормом, гулять её выводили в специально сшитой на заказ одежде. Мелкая Двулапая души не чаяла в плюшевой живой игрушке и всячески баловала болонку вкусным сыром или конфетами, которые Жужа просто обожала.

Идиллия закончилась внезапно и глупо. Жужа стала взрослой и ей захотелось любви. Однажды на улице, изловчившись, она сбежала от мелкой Двулапой, забежала в соседний квартал и по-быстрому спарилась с первым встречным мохнатым кобелём. Затем, радуясь в душе своей проказе, вернулась обратно в свой квартал и дала себя найти перепуганным Двулапым хозяевам, наивно полагая, что её шалость останется незамеченной.

Через месяц она потолстела, стала плохо себя чувствовать, а Двулапые поняли, что Жужа беременна. Конечно, новость об этом их не обрадовала. Отношение к болонке резко переменялось. Её больше не баловали, не фотографировали. Жужа чувствовала неприязнь, хоть хозяева и не обижали любимую живую игрушку, но чувствовалось их раздражение.

Несмотря не на что, Жужа радовалась, что скоро у неё появятся детки, которых она будет любить и заботиться.

В день родов, Жуже было очень плохо, и она жалобно скулила с самого раннего утра. Взрослые Двулапые куда-то спровадили мелкую, а вскоре появился какой-то незнакомый Двулапый, ужасно пахнувший множеством собак, который тщательно осмотрел Жужу и долго разговаривал с хозяином – самцом.

Вскоре болонка завывала и разродилась пятью мохнатыми, бурыми и крупными щенятами. Двулапый, пахнувший собаками, помог ей с родами, погладил по голове и ушёл, оставив Жужу обессиленной, но счастливой. Маленькие щеночки, щуря слепыми глазками, пытались крохотной пастью нащупать на животе болонки соски с молоком, и Жужа, счастливо улыбаясь, обнимала лапами пять шуршащих, тёплых комочков, прижимая их к себе со всей своей материнской любовью и нежностью.

Когда в комнату вошёл Двулапый самец с ведром воды Жужа, почуяв беду, крепче прижала к себе новорождённых и настороженно уставилась на хозяина. Тот поставил ведро на пол и вдруг резко протянул белые лапы к её животу. Жужа забилась, инстинктивно чувствуя опасность, зарычала и даже впервые в жизни укусила хозяина за палец. Но тот не отступал. Он сгрёб сильными лапами в охапку всех пятерых щенков и погрузил их в воду, налитую в ведро.

На Жужу нашло какое-то оцепенение. Она ошалело смотрела, как её детёнышей накрывает слой воды. Сквозь шум в ушах она слышала неприятный звук, в котором значительно позже разобрала свой собственный горестный вой...

Прошёл месяц. Болонка перестала быть весёлой и жизнерадостной, стала много есть и мало двигаться, растолстела. Воспоминания время от времени возвращали её к страшному зрелищу, как её детки бьются в лапах хозяина и их накрывает вода в ведре. Жужа перестала любить и уважать Двулапых хозяев, и даже Мелкую. Она больше не позировала им, перестала играть, а когда чувствовала, что её фотографируют, демонстративно поворачивалась спиной.

Часто хозяева обсуждали её, и по их интонации она понимала, что они ей очень недовольны, но, увы, горе было глубоким и Жужа ничего не могла с собой поделать.

Однажды Двулапый хозяин вынес болонку из дома, посадил в свою Большую Железную Повозку и повёз куда-то далеко.

" Утопит" – подумала Жужа и сжалась на полу машины, в ожидании конца. Но хозяин наконец остановил Повозку, со вздохом выкинул Жужу на улицу и торопливо уехал.

Болонка осталась совсем одна в неизвестной ей местности, не приспособленная к уличной жизни. Через неделю скитаний, оголодав вконец, Жужа начала предлагать себя всем местным кобелям в обмен на обед. Вс

коре она познакомилась с Хромым, тогда ещё не совсем старым, добрым кобелем, который и привёл её в Легион, на поклон Чёрному...

Жужу разбудил внезапный запах. Несколько минут она пыталась понять, что это за запах и откуда он ей знаком. И внезапно поняла. Так пахнет страх, беда и смерть... Что-то страшное произойдёт очень скоро.

3. БЕС.

Звериный инстинкт гнал мощного Беса вперёд. Он самый сильный пёс в Легионе и соответственно должен принести больше всех добычи в Общак. Чёрный стареет и скоро не сможет быть полноценным вожаком. Тогда его место займёт он, Бес, стаффордширский терьер с примесью боксёра, собачья порода, созданная Двулапыми как машина – убийца.

Подлетев к ближайшей свалке, он увидел, как две мелкие дворняжки дербанят огромную кость с кусками мяса. Бес огляделся по сторонам и убедившись, что никто не обращает на них никакого внимания, бросился на добычу, вмиг раскидав скулящих дворняг. Подхватив кость зубами, Бес гордо зашагал в сторону Общака, стараясь не замечать воющих от обиды псов, у которых он отобрал обед. Хорошо, что не было свидетелей этого ограбления! Среди Легионов не приветствуется отбирать еду у ближнего. Для себя пёс никогда бы не украл у другой собаки, но для Легиона можно пожертвовать принципами и правилами. К тому же он чувствовал, что действительно грядёт настоящая беда и запасы в этом случае никак не помешают.

Проходя мимо лавок с едой, пёс брезгливо поморщился от запаха кучки пожилых Двулапых, шумно голосащих и распивающих огненную воду. Вот действительно, Двулапые – самые вонючие животные! Особенно любители огненной воды. Конечно, молодые, льющие на себя вонючие духи тоже не подарок для собачьего нюха, по огненоводные существа воняют хуже всего. Они ещё и не регулярно принимают водные процедуры. Не то, что все другие животные, ежедневно вымывающиеся языком. И через неделю от неухоженного Двулапого воняет хуже, чем от кошки, которую не мыли годами! Брр!

Знакомство с Двулапыми хозяевами произошло у Беса в нежном щенячьем возрасте и, как и у большинства дворовых собак, закончилось горьким разочарованием. Беса продали щенком стаффордширского терьера, не указав, что по маме он боксер. Обман легко сошёл с рук, так как внешне Бес ничем не отличался от стартфорда. Купил его юный Двулапый, окрестив пса Киллером. Поначалу Бесу – Киллеру нравилось проживать в новой Житнице с молодым хозяином. От него, правда, частенько воняло огненной водой, в гости приходили компании таких же юных бездельников, слушали громкие звуки из колонок, расписали вонючую воду, глотали дым, тискали щенка, но со всем этим можно было смириться, ведь хозяин кормил собаку вкусной едой, регулярно выгуливал и даже водил в школу на обучение. Что это была за учёба, Бес понял уже значительно позже, а поначалу ему даже нравилось, как на большой уличной площадке его заставляли нападать на странного, резко пахнущего псиной Двулапого, одетого в несколько плотных одежек. Бес был по природе игривый, а не кровожадный, и, слышав крик хозяина: " Киллер, взять!", он с радостным лаем напрыгивал на собачьего Двулапого, искренне не понимая, почему его наказывают за недостаток злобы в этой безобидной игре.

Когда пёс возмужал и окреп, юный Двулапый хозяин привёз его на Железной Повозке к какому-то дорогому зданию. Бес сразу занервничал, учуяв запах внутри него. Там пахло собаками, страхом, яростью, азартом и смертью. Но хозяин погладил его по голове, и пёс сразу успокоился. Двулапый хозяин – друг, отец и бог! Разве может произойти беда, когда он рядом?

Юный Двулапый пристегнул Беса на поводок и повёл его по длинному коридору здания. Вдоль коридора, на скамейках, сидели Двулапые со своими покалеченными псами. Бесу бросились в глаза истерзанные бойцовые собаки со свежими ранами. У кого истерзаны уши, у кого порван бок, а один пёс выпускал дух с кровоточащим перегрызенным горлом. Бес задрожал и инстинктивно попытался вырваться с поводка, но острые шипы ошейника впились в шею, блокировав сопротивление собаки. Двулапый хозяин ногой распахнул дверь в зал и, почти волоком, затащил упирающегося пса внутрь помещения.

Большой зал с клеткой посредине был наполнен Двулапыми, запахом огненной воды и азарта. От пьяного, приветственного рёва Бесу стало жутко. Такой вой не способно издать ни одно стадо! Это был вой инстинкта уничтожения, азарта, развлечения и предвкушения чужой смерти.

Двулапый хозяин подтащил упирающегося Беса к решётчатой калитке, отцепил поводок, пинком втолкнул пса внутрь клетки и запер калитку на щеколду. С другой стороны клетки другой Двулапый так же загнал огромного пса в противоположную калитку и тоже задвинул щеколду. Бес оказался запертым в огромной клетке нос к носу с огромным чёрным ротвейлером. Вокруг азартно визжали Двулапые, скандируя имена собак и предвкушая удовольствие чужого страдания и смерти.

От ротвейлера исходил запах агрессии и Бес никак не мог понять, откуда в этом псе и в окружающих их Двулапых столько ненависти и злобы, по отношению к нему. Он же не причинил им не малейшего зла... Он их даже не знал...

Сквозь рёв толпы Бес услышал приказ хозяина: "Киллер, взять!" рассеянно обернулся, ища глазами любимого и родного Двулапого друга. В этот момент чёрный ротвейлер кинулся на Беса, пытаясь зубами вцепиться ему в глотку. Бес, обладая силой и ловкостью молодой бойцовой собаки легко увернулся от мёртвой хватки и недоуменно уставился на противника.

– Ты что, дурак? – ошарашенно пролаял он, но лай его потонул в очередном восторженном вопле стада Двулапых, а ротвейлер, словно бездушная машина смерти, вновь бросился на растерявшегося Беса. Его клыки больно вонзились в ухо. Пёс заскулил. Из прокусанного уха засочилась кровь.

– Ааааа!!! – скандировало стадо Двулапых, учуяв первую кровь.

"Взять его!!! Фас!!!" орал хозяин.

И только сейчас до Беса наконец дошло, что всё стадо вместе с Двулапым хозяином собрались здесь смотреть, как два пса насмерть загрызут друг друга и выход из клетки будет открыт только победителю.

Инстинкт самосохранения взял верх над врождённой порядочностью, и, грозно зарывчав, Бес кинулся на своего чёрного противника, пытаясь вцепиться ему в горло. Но опытный ротвейлер легко увернулся. Зубы Беса лишь слегка оцарапали его шею. Бес скатился с его спины, быстро вскочил на лапы, приготовившись к новому прыжку. Но противник был крупнее и мощнее. К тому же зрелые годы и неповоротливость легко восполнялись опытом в подобных поединках. Ротвейлер подмял Беса под себя, вцепился сверху в шею противника и, утробно урча, принялся душить его зубами. Бес сопротивлялся, пытаясь скинуть с себя тяжёлую псину. Из прокушенной шеи хлынула кровь, свет начал меркнуть в глазах. И вдруг- чудо!, в клетку вошло несколько Двулапых и отогнали ротвейлера от его окровавленной жертвы, взяли на поводок и увели из клетки под восторженные крики стада. Следом в клетку зашёл Двулапый хозяин, пинком заставил подняться ослабевшего пса, одел поводок и поволок его из зала под презрительный свист Двулапой орды.

Не давая очухаться илизать раны, хозяин раздражительно, словно мешок картошки, протащил пса – лузера по длинному коридору к Железной Повозке. Шипы ошейника впивались в повреждённую шею потрепанной собаки, но Двулапый не обращал внимание на его жалобный скулёр и почти волоком тащил в сторону Повозки. Наконец, добравшись, открыл дверь, повернул ключ, от чего Повозка затарахтела, выпуская вонючий дым. Брезгливо оглядев раненого пса, Двулапый снял с него ошейник, достал из Повозки какую-то грязную тряпку и с гримасой отвращения принялся стирать кровь с раны на шее.

Решение созрело за секунду. Бес собрался с силами, вырвался из белых лап и, что было духу, бегом на ослабевших конечностях рванул в сторону аллеи, где росли деревья и не пропустили бы в погоню Железную Повозку. "Киллер, ко мне!", слышал он вслед грозную команду Двулапого хозяина, но, пока хватало сил, мчался от него прочь, словно убегая от смерти. Наконец, выдохшись, рухнул в какую-то канаву и обессиленно уснул.

Раны были не серьезные и молодой пёс быстро выздоровел. Почти год он скитался в поисках пропитания, пока случайно не набрёл на Овраг, где Чёрный как раз пополнял свой Легион. Они быстро подружились на фоне неприязни к Двулапым. Чёрный симпатизировал

Бесу, выделял его больше других членов Легиона за силу и ловкость. Со временем, он даже стал смотреть на Беса, как на своего приемника, но не боялся конкуренцию с его стороны. Бес был просто гора мышц, сильный воин, но совершенно бесхитростный и туповатый. Не то, что Гордый...

Бес неторопливо двигался в сторону Оврага как вдруг услышал (скорее почувствовал) жалобный, протяжный, скорбный вой Жужи. "Вот и пришла беда!" – мелькнуло у него в голове. Не выпуская из зубов добычу, Бес во весь опор припустился в сторону Оврага.

4. ХРОМОЙ.

Старый Хромой ковылял в сторону жилищ Двулапых, в очередной раз игнорируя запрет Чёрного. Интересно, за что вожак так не любит (и боится) Двулапых? Гораздо больше, чем котов. Чем ему так насолили эти животные? Чёрный никогда ему об этом не рассказывал, несмотря на их пятилетнюю дружбу.

Хромой, если не любил, то по крайней мере симпатизировал Двулапым. Ну что плохого они ему сделали за довольно солидную собачью жизнь? Ну несколько раз получал от них пинок, ну разбили как-то кирпичом голову, ну обварили однажды кипятком... Это всё мелочи! Чаще сердобольные твари угощали пса чем-нибудь вкусненьким! Особенно симпатичны в этом плане Мелкие Двулапые – то угостят булочкой с мясом, то пищей, а иногда даже сосиской или колбасой. Пусть молодёжь бегает по свалкам и помойкам. У них есть на это сила и энергия. А он, старик Хромой, пройдёт по ближайшему кварталу и насобирает подачки добрых Двулапых, благо, что от Оврага до Житниц рукой подать!

Хромой, тяжело дыша, ковылял в сторону Площадки Выгулки Мелких Двулапых, с тоской вспоминая свою молодую, сытую жизнь. Ещё щенком он прибил к сторожке, где двое Пожилых Двулапых жили по очереди, охраняя территорию за белым забором с множеством небольших Житниц, в которые заезжали и ночевали вонючие Железные Повозки. Пожилые Двулапые, охранявшие Повозки, были очень добры к приبلудившемуся псу, регулярно кормили, даже сколотили малюсенький Собачий Домик. Хромому дали красивое имя Бобик и пускали холодными вечерами погреться к себе в сторожку. В благодарность за это, счастливый пёс помогал стеречь территорию, звонко ругаясь на проходящих мимо Чужих Двулапых, считая своим долгом испугать посторонних лаем. Сытая жизнь Хромого – Бобика закончилась через несколько лет. Сначала постепенно в Маленькие Житницы перестали заезжать Железные Повозки, потом пропали хозяева, а позже на территорию пришло стадо Двулапых, пригнали Большие Железные Повозки С Ковшами и напрочь разрушили Житницы для Повозок, не обращая внимания на протестующий лай брошенного пса. Двулапые пришельцы называли это жутким словом "Стройка". Пес, будучи к тому времени уже достаточно возрастным и довольно балованным, в одночасье остался без крова, хозяев и миски еды. Целыми днями Хромой бродил по улицам, вглядываясь в лица Двулапых, принюхиваясь к их запаху, в полной уверенности, что кто-то из них обязательно разглядит его доброту, преданную натуру и заберёт к себе в Житницу. Но проходили дни, недели, месяца и никого не интересовал пожилой, облезлый, неухоженный пёс. Иногда Двулапые его угощали вкусностями, иногда, ни с того, ни с сего, Хромой получал грубый пинок под зад, но новый хозяин не находился. В Колотун, пёс грелся на теплотрассе, питался преимущественно на помойках и свалках и продолжал искать хозяина. Однажды его сильно подрал какой-то пришлый воинственный кобель, отобрав большой кусок колбасы и сделав хромым на всю жизнь. Наконец Хромому посчастливилось встретить Чёрного, который после Облавы потерял почти весь старый состав Легиона и собирал новый...

Хромой уже подходил к Площадке Мелких Двулапых, когда почувал пьянящий запах копчёной колбасы. Неподалёку от него стояли два Двулапых Детёныша. Один держал на вытянутой руке целых пол батона колбасы, а второй свистом и жестом подзывал пса. Оглядевшись и убедившись, что по близости других собак нет и зовут именно его, Хромой благодарно заскулил и потрусил с сторону Мелких хозяев. Сердце его переполняла любовь и благодарность,

слюна текла из пасти, капая на замерзающую землю, желудок голодно урчал, непослушный хвост вытанцовывал приветливый такт. Мелкие продолжали подзывать пса, хихикая озорным смехом. Колбаса! Копчёная! В последний раз Хромой пробовал такой деликатес года два назад. А тут огромный кусок – добрых половина батона!

– Это всё мне?! – радостно пролаял старый пёс не веря своему счастью, Впрочем, не надеясь, что Двупалые поймут, что именно он им пролаял. "Лишь бы не напугать их лаем, – подумалось ему – А то они убегут вместе с лакомством."

Но Мелкие и не собирались убегать, протягивая колбасу к носу Хромого и искренне забавляясь над ним и подражая, то приближая, то пряча от него лакомство.

Зад старого пса уже весь танцевал вместе с хвостом, ноздри расширились, внимая запах деликатеса, уши хлопали по голове, слюни текли ручьем. В голове стоял голодный туман.

– Какие славные, добрые Мелкие, – тихо проурчал он.

От радости, любви, благодарности и голода сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Краем уха Хромой услышал щелчок зажигалки, краем глаза уловил огонёк внутри колбасы, кончиком носа почуял запах дыма, но... голодный мозг не воспринимал никакой информации, кроме протянутого доброй, белой, детской лапой огромного куска колбасы. Жадно выхватив добычу, пёс подобострастно отполз на метр назад, глядя на замерших Двупалых преданным взглядом. Раздался взрыв, который Хромой скорее почувствовал, чем услышал. Нос резко обожгло огнём, глаза застелила пелена и он рухнул, как подкошенный, оглушенный взрывом. Через секунду пелена рассеялась, пасть пронзила резкая и сильная боль. Пёс завыл от муки, но раздробленная нижняя челюсть смогла выдать только жалобный скулёрж. Кровь засочилась из покорёженной пасти, из глаз брызнули слёзы боли. Уши уже отошли от взрывного звона и слышали задорный, чуть истеричный смех двух Мелких Двупалых благодетелей.

– Почему вы смеётесь? Мне же так больно? – попытался он пролаять, но вместо лая повреждённая пасть сквозь невыносимую боль смогла выдать только скрежещущий звук, что вызвало очередной приступ смеха у Двупалых.

"Петарда! – понял вдруг Хромой – В колбасу засунули большую, горящую петарду. Я видел такие в Холодные Праздники Ёлок. И её взрыв разворотил мне пасть..."

Хромой обреченно понял, что это конец, с такой раной собаки не выживают. Он бросил мутный взгляд на веселящихся от души Мелких Двупалых, отказываясь верить, что они искалили его нарочно, чтобы просто позабавиться. Собрав остаток сил, преодолевая жуткую боль и предсмертную слабость, Хромой пёс встал на обессиленные лапы, тоскливо посмотрел на ошмётки колбасы, разбросанные взрывом петарды, на кровь и собственные вырванные зубы на земле, и, не оборачиваясь на хохочущих Мелких, шатаясь поковылял в сторону Оврага. Ему хотелось умереть возле Жужи, в том месте, которое он считал своим домом, с Легионом, в котором любимые друзья и единственные родные существа.

То и дело спотыкаясь и падая, боясь потерять сознание, Хромой смог одолеть пару сотен метров, добрести до Оврага и, истекая кровью, рухнуть возле дремлющей Жужи. Мгновенно проснувшаяся болонка вскочила на лапы и тут же разглядела умирающего старого пса, лежащего в нескольких метрах от неё. Жужа взвизгнула, подбежала к тому, кого она знала уже столько лет, кто несколько раз был её Тайным Самцом, разглядела его раздробленную пасть с переломанным носом, услышала предсмертное, сиплое дыхание, заглянула в мутнеющие глаза и издала страшный, горестный вой. Собакам, живущим долго одной семьёй, не обязательно слышать скорбь члена своего Легиона. В отличие от Двупалых, они слышат горе инстинктивно. И вопль Жужи слышали те, кто был вместе годами. Услышали скорее сердцем, чем ушами. На вопль Жужи, в Овраг, во весь опор, мчались Бес, Чёрный и Учёный. Мелкий и Гордый, недавно прибывшие в Легион, не слышали Жужу, продолжая бродить в поисках добычи.

5. УЧЁНЫЙ.

Запахавшийся Бес прибежал первым и в оцепенении встал, как вкопанный, глядя на умирающего Хромого с развороченной пастью и причитающую над ним Жужу. Следом появился Чёрный вожак. Моментально сообразив происшедшее, Чёрный подскочил к лежавшему Хромому, внимательно осмотрел, обнюхал, прислушался к его сипящему дыханию и повернулся к остальным.

– Он отходит, – кратко объявил он присутствующим, и в полной, гнетущей тишине склонил уши к голове умирающего пса. – Хромой, дружище, попробуй мне сказать, кто тебя убил.

Хромой с трудом раскрыл повреждённые челюсти и еле внятно прошамкал:

– Мелкие Двулапые...

Чёрный утвердительно кивнул головой, словно ждал именно этот ответ, посмотрел на небо и траурно завыл.

Наконец прибежал Учёный. Все старейшины Легиона были в сборе.

Учёный долго смотрел на умирающего товарища не в силах поверить своим глазам.

– Кто? – прошептал он.

Ответа не последовало. Жужа, сломленная горем, тихо и жалобно скулила, Чёрный продолжал траурный вой к небесам, Бес положил морду на лапы и сочувственно таращился на Хромого.

Вдруг Хромой застонал, как-то неестественно захрюкал и едва внятно прошелестел:

– Учёный, подойди ко мне...

Тот подскочил и одним рывком оказался возле Хромого, вопросительно глядя на него.

– Учёный, – продолжал шамкать Хромой, словно в бреду. – Скажи Чёрному, чтобы не мстил... Я не держу зла... Возьми из Общака мой жёлтый мячик... Передай Малому... Пусть играет... Скажи Жуже, что она мне очень дорога... Легион, я вас очень любил...

Чёрный закончил траурную песню, бросил взгляд на агонию Хромого, обвёл взглядом трёх верных ему псов, принял торжественную осанку и произнёс речь:

– Легион! Двулапые только что убили одного из нас – нашего старейшего друга Хромого, который ни разу в своей жизни не причинил никому не малейшего вреда! Сегодня – завтра Двулапые будут здесь, чтобы уничтожить весь Легион. Я знаю, я их чувствую!

Это наши самые злейшие враги, самые мерзкие твари природы! Разве можно сравнить любые виды животных с этими выродками! Мы жертвуем своей жизнью ради друзей, Двулапые жертвуют друзьями ради своей выгоды! Они разводят несущек, жрут их яйца, холят и лелеют, а потом без всяких угрызений совести варят их в супе. Двулапые проживают в общей Житнице с коровами и козами, пьют их молоко, делают вкусный сыр, а потом безжалостно забивают несчастного состарившегося друга, который делил с ним кров несколько лет подряд. А как Двулапые издеваются над лошадьми! Даже не ради пропитания, а только потому, что те бегает быстрее убогих хозяев. Двулапые ходят в лес с громовыми палками и отстреливают лесных зверей просто ради потехи. А мы, собаки, сколько хлебнули горя от этих несовершенных мразей, отдавая им всю свою любовь, преданность, защищая их от врагов! Нет ни одного животного, убивающего близкого друга, жившего с ним под одной крышей! Мы, псы, питаемся курами, коровами, даже лошадьми – но чужими, умерщвленными Двулапым. Разве повернулся бы наш клык на корову или курицу, с которой мы делили кров и ели из одной миски?! А их Бог!? Кто Он?! Это наше, звериное Божество любит всех нас и принимает после смерти всех, всех без исключения, в свои Ласковые Объятия и провожает в Вечную Сытую Дверь, где всегда светит Солнце и полно еды! Бог Двулапых умеет только пугать и наказывать, насылая болезни и горе при жизни и отправляя в кипящий котёл или на раскалённую сковороду после смерти. Они верят, что злодеяния природы, катаклизмы, это не капризы самой природы, а дела их Бога, потому что верят в его жестокость. Они боятся своего Бога, а мы, животные, своего Бога любим. Двулапые живут в постоянном страхе. Они слабы и беззащитны перед природой и небесами. Потому то они такие злые – слабое и напуганное существо поневоле становится

злым. Чем тварь слабее, тем она злее. Поэтому особой жестокостью отличаются Мелкие Двупалые – самые слабые и трусливые – погубившие сегодня ради забавы нашего друга Хромого. Спи спокойно – Друг! Ничего не бойся! Наш Добрый Бог уже ждёт тебя на облачке, приласкает и распахнёт для тебя Вечную Сытую Дверь, где все животные вечно счастливы, сыты, облаканы, здоровы и обогреты. До скорой встречи, Хромой!

Умиравший пёс обвёл всех друзей мутным взглядом, пискнул развороченной пастью, вытянул лапы, вывалил сухой язык, закатил глаза и затих.

Жужа завывала в голос, Бес растерянно глядел на умершего товарища, Учёный завертел мордой, словно отрицая всё увиденное и услышанное. Один Чёрный Вожак сохранял самообладание и контролировал ситуацию.

– Учёный, беги, разыщи Мелкого. Бес, собери весь Общаг. Жужа, прекращай выть. – отдавал он короткие, чёткие команды. – Как только Учёный приведёт Мелкого, мы снимаемся с этого места и уходим пережидать Облаву.

– А как же Гордый? – робко спросил Учёный.

– У нас нет времени и средств искать Гордого, – отрезал Чёрный. – Он не маленький – выкрутится сам. К тому же я не считаю его полноценным членом Легиона. Он никак себя не проявил и ничем не доказал свою пользу и преданность.

Учёный кивнул, принялся к земле и поскакал по следу Мелкого.

– Почему ты уверен, что скоро придёт Облава? – решился спросить Бес.

– Я их чувю, – неохотно прорычал Чёрный. – Поверь мне, Охотники будут здесь уже сегодня. Прошлый мой Легион стал жертвой Облавы Двупалых. Я один выжил из всего Легиона и не допущу, чтобы с вами случилась беда. У них всякие хитрости, приспособления для охоты на нас, но у меня чутьё против них. И я чувствую, что они рядом...

... Учёный легко ориентировался по запаху и уверенно бежал по следам Мелкого. Ну почему Чёрный считает всех без исключения Двупалых врагами? Нельзя же всех грести под одну гребёнку. Вот старый хозяин Учёного был очень добрым и хорошим. Взял Учёного ещё маленьким щенком, вплотную занимался его воспитанием, водил в школу, кормил и заботился. Никогда не обижал. Учёный пес породы доберман был назван Чарли, в честь любимого артиста Двупалого хозяина, имел отличную школу, читал текст по слогам, умел считать до десяти, приносить хозяину тапки и газету и даже понимал отдельные слова языка Двупалых настолько хорошо, что мог воспринимать некоторые простые предложения. Его старый хозяин обожал Цирк, и частенько, сидя в кресле, разглядывал в Живом Экране цирковые представления, делясь своими мыслями с сидячем у его нижних лап послушным псом. Учёный – Чарли иногда даже понимал, о чём говорит с ним Двупалый старый хозяин. Похоже самой заветной мечтой одинокого старика была идея отдать своего Чарли в цирковую программу, поэтому тот так тщательно готовил пса к возможным выступлениям, разучивая с ним разнообразные трюки и фокусы. Но однажды Старик стало плохо, в Житницу пришли Двупалые пахнущие лекарствами, одетые в белое и увезли хозяина с собой. Больше он не вернулся. Хромого всё это время приходила кормить и выгуливать Мелкая Двупалая соседка. Пёс терпеливо и преданно ждал старого хозяина, но вскоре в Житницу въехали новые Двупалые жильцы и выкинули пса на улицу. Учёный был неглупой собакой. Поняв, что хозяин больше не вернётся и ждать больше нечего, он пустился в странствия по соседним кварталам и улицам, в поисках нового хозяина, искренне недоумевая, почему никто из Двупалых не хочет приютить такого умного и обученного пса. Быстро обучившись добывать пропитание, Учёный охотился преимущественно у магазинов с мясом и огненной водой, где пьяные Двупалые, которые распивали вонючую воду прямо у магазина, особо умилившись способностями образованного пса, частенько подкармливали его булкой, сырком или колбаской. Но охота в этих местах имела свои риски и была опаснее, чем добывать еду на свалках и помойках. Частенько Двупалые перебирали с употреблением огненной водой, впадали в агрессию и нещадно пинали безобид-

ного пса, так и не понявшего причин их немотивированной злости. Наконец Учёный познакомился с Чёрным и примкнул к его Легиону. Произошло это в тот же период, когда Чёрный собирал новый Легион и уже успел подобрать Хромого и Жужу. Позже к ним присоединился Бес, и все они составили основной костяк старейшин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.